

ЖИЗНЬ КАК ТВОРЧЕСТВО. (ПАМЯТИ М. И. КАРТАВЦЕВОЙ – УЧИТЕЛЯ УЧИТЕЛЕЙ)

Ж. В. Грачева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2014 г.

Аннотация: в статье, посвященной памяти Народного учителя СССР М. И. Картавцевой, освещаются вехи ее жизненного пути, связанного с Воронежским государственным университетом, представляется обзор ее публицистических и методических работ.

Ключевые слова: М. И. Картавцева, Воронежский государственный университет, учитель, ученик, школа, книга, жизнь.

Abstract: this article is dedicated to the memory People's Teacher of the USSR Kartavtceva M.I.; here you can find description of the main life stages of the period devoted to the Voronezh State University and overview of her publicistic and methodological works.

Key words: M. I. Kartavtceva, Voronezh State University, teacher, student, school, book, life.

«Пишу вашему голосу», – так обращались в письмах к Марине Игнатьевне Картавцевой люди, которые шли на зов ее мудрости и доброты. И вот настал тот день, когда каждый из знавших ее лично, по книгам или по радиопередачам может писать лишь ее голосу, звучащему в сознании, – низкому, красивому, спокойному, мудрому. «Теперь я с вами навечно», – так сказала она в один из дней, прощаясь, своим ученикам.

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии», – эти слова С. Есенина точно передают ощущение многих, знавших Марину Игнатьевну Картавцеву. Чтобы понять, кто был с нами рядом, кто нас «сотворял», кого мы потеряли, осиротев навечно, нужно время. Мое размышление – лишь первая эмоциональная реакция на случившееся. Люди, любившие ее, – ученики, учителя, коллеги по Детскому фонду, родные, все, кому она помогла, кого спасла от беды, кого научила радоваться жизни, – хотят написать книгу воспоминаний. Она будет создаваться на страницах сайта Детского фонда. Все, кто хочет сказать свое слово, – пишите.

М. И. Картавцева – человек, сформированный Воронежским государственным университетом и гордившийся этим. «... В моей жизни случился подарок судьбы», – так она определила свою встречу с альма-матер. Да, встреча воспринималась ею как настоящий Дар. «Какие это были счастливые,

умные, плодотворные годы!» – напишет она [1, с. 30] (и потом в своем рассказе еще много раз повторит слово «счастье»). А годы были послевоенные, трудные, озаренные светом Победы и устремленные в будущее. Поступление было воспринято «как великая радость, как возможность получить серьезное образование» [там же, с. 29]: «самое яркое впечатление тех далеких лет – это именно счастье от самого процесса учения. Горы поглощаемых книг и почти физическое ощущение, как раздвигаются границы горизонта, как с каждым курсом ты больше знаешь, умеешь, смеешь» [там же].

...Всматриваюсь в университетскую фотографию. Вот она, М. И. Картавцева, в третьем ряду третья слева: прямой открытый взгляд, правильные черты умного, строгого лица, обрамленного легкими кудрями белокурых волос, маленький круглый воротничок аккуратного крепдешинового платья... Старые фотографии отсылают к иным берегам: кажется, что такие люди, с ясными, простыми, родными лицами, ушли навсегда вместе с эпохой. Им предстояло поднимать страну из руин, учить детей, вселять в их душу веру в свое многострадальное Отечество, открывать для них тайну счастья...

Рассказывая об увлеченности чтением в годы юности («в университете тех лет царил культ чтения» [1, с. 31]), Марина Игнатьевна обращается к словам из письма Тургенева к Боткину, в которых он описывает свое ощущение от волны накры-

вающего его желания читать: «У нас в деревне был... огромный дом. Нам, детям, он казался тогда целым городом. В нашей части (в нашей комнате) стояли запыленные шкафы домашней работы, черной краски, со стеклянными дверцами: там хранились груды книг в темно-бурых переплетках... Я сговорился с одним из наших людей, молодым человеком... порыться в заветных шкафах. Дело было ночью, мы взломали замок, и я, встав на его плечи, исцарапав себе руки до крови, достал две громады... Мы уходили с Леоном каждый день в сад, в беседку на берегу пруда и там читали – и как читали!.. Я слушал – мало! Внимал – мало! Обращался весь в слух – мало. И классически: пожираю – все мало! Глотал – все еще мало! Давился книгами!» [1, с. 30]. Восхищаясь силой, которой наделяют человека книги, Марина Игнатьевна обращается к словам известного воронежского библиофила О. Г. Ласунского, он однажды заметил, что «книга обладает мертвой хваткой, привороженный ею – бессилён сопротивляться» [там же, с. 30]. Олег Григорьевич пишет по-мужски жестко – «мертвая хватка книги». Марина Игнатьевна, всю жизнь учившая людей любви, говорит о книге немногословно, сдержанно, без слащавых сантиментов, но нежно и высоко, отдавая дань величю таинственного, мощного океана познания. Не было дня в ее жизни, чтобы она не читала. Всегда на ее столе лежала новая книга. «Принесите что-нибудь почитать», – эта просьба была обращена ко всякому к ней приходящему. Учитель и книга – не было крепче союза.

На страницах книги «Белый свет ненагляден...» М. И. Картавецва рассказывает о своих университетских преподавателях, которые «будили мысль, звали к размышлениям и спорам, к анализу себя и окружающего мира» [1, с. 31]. Среди них выделены трое: Валентина Ивановна Собинникова, Анатолий Михайлович Абрамов, Алла Борисовна Ботникова – крупные ученые с мировым именем, создатели научных школ, мощные личности.

А. Б. Ботникова ...О ней написано всего две странички, но знакомый (а в чем-то и новый) образ нарисован художественно изящно, точно, с большой любовью. Видишь молодую, легкую, летящую красавицу Аллу Борисовну, «таинственную инопланетянку», умную, европейски образованную, открывающую сложный мир зарубежной литературы.

В. И. Собинникова ...Легко краснеющая, когда студент являлся на экзамен неподготовленным, обезоруживающая своей интеллигентностью: «Поработайте еще. Разберитесь в материале. Пожалуйста». Глубокая тишина на лекциях – «тишина мысли». И доброта. И талант ученого. Продолжатель лингвис-

тических традиций академиков С. П. Обнорского и В. В. Виноградова, под руководством которых ею были написаны две диссертации.

А. М. Абрамов ...Громадный «портфель, битком набитый книгами», «лавина фактов, эмоций, ассоциаций, суждений», «магический круг пиршества мыслей», последнее слово – о чем бы трагичном ни шла речь на лекции – надежде [1, с. 35].

С благодарностью, восхищением, любящая красотой и мощью ума, пишет Марина Игнатьевна о своих университетских преподавателях. После окончания ВГУ связь с духовной родиной не прервется: на протяжении всего жизненного пути она не позволит себе снизить высоту поднятой университетом интеллектуальной и нравственной планки.

С ВГУ в течение нескольких десятков лет будут связывать М. И. Картавецву и студенты, проходящие в школу на педагогическую практику, молодые, неопытные, ищущие. Благодаря ей многие оставались в школе навсегда. Она учила их не просто объяснять, как правильно ставить знаки препинания и писать сочинения, а «священнодействовать», входить в класс с осознанием того, что предстоит выполнить великую миссию – УЧИТЬ, поскольку школа – особое сакральное место, где происходит таинственный процесс передачи знаний и опыта от одного поколения к другому. Она учила *отдавать* то, что знаешь и чувствуешь, – до последней капли переливать себя в детские души и делать их сильными.

Дающий знания влияет на будущее. Об этом картина Н. Рериха «Тень Учителя», на которой изображены Гималаи. И на одной из гор – тень Учителя. Огромная, как сама гора. Он благословляет ученика. Ни фигуры ученика, ни Учителя не видно, есть лишь Его тень. Это символ того, что Слово учителя вечно и мудро, как таинственные Гималаи. Оно больше самого наставника: даже если носителя Слова нет, оно продолжает жить. На каждого из нас, учеников М. И. Картавецвой, легла ее великая тень. И это ко многому обязывает.

У. Черчилль писал: «Учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать». Марина Игнатьевна осознавала мощную силу этой власти. И принимала всю тяжесть ответственности. За всё. Всегда. Она была человеком долга и чести, в самом высоком понимании этого слова.

М. И. Картавецва была наделена особым слухом: слышать голос судьбы. Она не боялась вступить с Ней в диалог и, может быть, даже заставить Ее слушать себя. В своей книге «Белый свет нена-

гляден...» она пишет: «...Наши судьбы не обязательно складываются по конкретному плану, хотя и этот вариант имеет место быть. Но чаще так происходит от внутренней потребности человека активно вмешаться в жизнь, из искренности, из веры в дело, которому служишь, из нравственной обязанности переделать то, что считаешь несправедливым, глупым или недостойным» [1, с. 68]. «Прожив» одну жизнь, учитель вступал в другую: «случайных зигзагов судьбы не было – была логика развития личности. Если к ней прислушаться, не полениться, сделать шаг навстречу, жизнь обретает иные горизонты ее постижения, она становится объемнее и ярче, хотя и не легче» [там же, с. 68].

После университета М. И. Картавцева будет распределена в г. Шебекино (ныне Белгородской области), где за 12 трудных лет пройдет путь от учителя до директора школы. Там, в этой глубокой русской провинции, в маленьком, уютном городке, утонувшем в садах и цветах, состоится ее становление как Учителя и Мыслителя.

Потом будут написаны пять книг: «Дети среди нас» (Минск, 1971), «Не позволяй душе лениться» (Воронеж, 1975), «Сотворение личности» (Воронеж, 1981), «Семейный портрет в интерьере» (Воронеж, 2004; Т. 1–2), «Белый свет ненагляден...» (Воронеж, 2010) [2]; выйдет в печать более 150 публицистических статей, будут составлены книжная серия «Библиотечка школьника» (Воронеж, 1994–1998), «Уроки мировой художественной культуры. 11 класс» (в соавторстве с И. С. Чернышевой) (Воронеж, 2003), «Уроки внеклассного чтения. Практическое пособие» (Воронеж, 2003). На протяжении многих лет Марина Игнатьевна будет вести на всесоюзном радио легендарную передачу «Взрослым о детях», материалы которой оставлены на вечное хранение в архивах как свидетельство эпохи. Так свершится высшая справедливость: высота, мудрость, искренность, явленные ее душой, разумом и голосом, будут «отправлены» в вечность. Вот перечень того, что сохранилось в сухом энциклопедическом остатке. Скажу с радостью – немало. Но и это далеко не всё. М. И. Картавцевой удалось «войти в судьбу» тысяч людей: учеников, студентов, учителей, читателей, радиослушателей – и сделать их сильнее, добрее, счастливее. О таких, как она, слова Маяковского: «А вот идешь, взялось идти, идешь и светишь в оба...». И светила. Щедро обогревая.

И мы тянулись к ее могучему костру и прятались от ветров бед за ее спиной, как за доброй скалой. Когда-то А. П. Чехов в письме М. О. Меньшикову написал о Льве Толстом: «Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он

жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушное стадо или каша, в которой трудно было бы разобраться» [3, Т. XVIII, с. 313]. Эти слова приходили мне в голову не раз в минуты общения с Мариной Игнатьевной. Для огромного числа людей ее авторитет был колоссален. И произрастал он из любви и доверия к ней, к ее Слову.

Перечитывая книги Учителя, понимаешь, что учила она, прежде всего, *Счастью*. Это одно из самых частотных слов в ее текстах. По-толстовски просто и ясно писала о святых для каждого понятиях: Родина, род, семья, работа, добро, честь, совесть, любовь... Книги ее полны света, милосердия, мудрости. Настойчиво, но неназойливо автор убеждает: будь добрым (посмотри, как это прекрасно); люби жизнь; помни о тех, кто зовет на помощь; делай главное, не суетись. И великие русские и зарубежные классики помогают ей в этом: она ведет диалог с Александром Пушкиным, Львом Толстым, Антоном Чеховым, Мариной Цветаевой, Анной Ахматовой, Борисом Пастернаком, Робертом Рождественским, Джеромом Д. Сэлинджером...

Она и сама порой напоминала их. Своими мыслями, великими и простыми, – Льва Толстого, который был ей так близок духовно. Аристократизмом духа, высокой искренностью, царственной сдержанностью – Анну Ахматову, с которой даже внешне была в чем-то схожа: гордая осанка, высоко поднятая голова, умный, спокойный, строгий взгляд. «От ангела и от орла в ней было что-то» (М. Цветаева).

На страницах своих книг М. И. Картавцева погружает читателя в важнейшие для каждого человека периоды жизни: от рождения до глубокой старости – и предупреждает о тех опасностях, которые ждут нас на пути бытия, о тех радостях, которые мы не должны пропустить, просмотреть. Здесь мы находим размышления о том, как помочь учителям и родителям вырастить *умное будущее*. Мы узнаём, как приучить ребенка к чтению, как не утонуть в накрывшей с головой волне первой любви, как сохранить согласие в семье, трепетное отношение ребенка к отцу и матери, внуков – к дедушкам и бабушкам, как формировать традиции и какую роль при этом играет воссоздание своей родословной (ведь память – это то, что не дает «рассыпаться» роду, а значит, стране). Что нужно делать, если «плохо с русским» или математикой,

как готовить домашнее задание, каковы особенности становления девочек и мальчиков, в чем сильные и слабые стороны сегодняшней школы, какова роль отца в современной семье, что такое пошлость как явление и в чем его опасность. При этом рассуждения опираются не на нигилистический принцип «разрушить до основания» то, что не устраивает лично тебя, ибо, как писал Бакунин, «радость разрушения есть творческая радость». Каждый текст построен по принципу созидания: постановка проблемы, поиск ее решения и – простой и результативный вариант преодоления.

У Марины Игнатьевны, безусловно, был писательский дар. Ее публицистика образна, психологична, динамична. Ей удавалось частные события вписывать в контекст вечного. Так, некоторые размышления начинаются с описания природы, которая, как философская рамка, обрамляет мысли, встраивая их в вечное кружение времени и пространства. Вот лишь один пример: «...Помню, осень в тот год затянулась. Уже опали листья с деревьев и тихо, безропотно увяли травы. И земля замерла, приготовилась ко сну под снегом. А он не торопился укрыть ее: над городом висело абсолютно безоблачное небо. Солнце не грело – только слепило глаза. Мне плохо было в этой холодной стальной осени. Мне плохо было в родном городе. Мне плохо было в жизни на крутом ее переломе – так всегда бывает в минуты трудных решений, которые принимаешь умом, а сердце шепчет сомнением: так ли? надо ли? права ли? Мне было плохо» [4, с. 114]. А дальше последует рассказ о спасительном знакомстве в один из переломных дней жизни с картинами юной художницы Нади Рушевой и о той радости духовного просветления, которую может подарить искусство: «Праздник начался сразу». И мы вместе с автором странствуем от рисунка к рисунку: «Кентавренок с венком», «Пьер и Наташа», «Веснушки», «Мастер и Маргарита». «Мне, взрослой, многое пережившей женщине, – пишет Учитель, – помогла девочка, которая не могла быть мне даже младшей сестрой – только дочерью» [там же, с. 115]. Сколько учеников Марины Игнатьевны потом будут влюблены в рисунки маленькой художницы-философа! Всё, что любила, знала, чувствовала, она отдавала, отдавала, отдавала...

М. И. Картавцева умела в каждом, буквально в каждом, человеке видеть прежде всего его светлые стороны. И потом именно вокруг них выстраивался для нее человек. Это делало ее волшебником: она каждого пересоздавала вокруг доброго, нежного, детского. Ж.-П. Сартр писал: «Ад – это другие». Жизнь М. И. Картавцевой полностью это опровергает. Для нее «свет и счастье – это дру-

гие». Она любила людей. Хотя порой это было очень трудно.

Кроме слова «счастье», почти на каждой странице ее книг живет слово «сердце». Сердцем надо «чувствовать печаль слов», ему что-то рассказывает «каждый уголок яснополянского парка», его надо воспитывать, им надо «слушать», «маленькие детские сердца» сами умеют вслушиваться в мир, оно вздрагивает от радости счастливого воспоминания, в нем навсегда остается отсвет первой любви, у него есть своя жизнь, оно тревожно и гордо бьется. «А когда растут детские сердца? – спрашивает читателя автор. И отвечает: «Днем, наверное. Когда глаза широко открыты навстречу жизни». И добавляет: «И от нас с вами зависит, какая жизнь войдет в их сердце завтра». Так проступает через строчки всех книг образ огромного, беспокойного, умного сердца, стучащего настойчиво и хрупко: тук-тук, тук-тук. И оно не остановится никогда. Хотя его создателя уже нет.

У Картавцевой было много талантов. Но самый главный – быть Человеком. Подводя итоги своего «дня», на его закате, она напишет, за что благодарна ее величеству Жизни. Прежде всего, «за нее саму – за жизнь как данность», «за радость видеть красоту Земли», за счастье «иметь родителей – отца и мать», сестер и брата; за то, что «не обошла стороной любовь – настоящая, сильная, гордая, из тех, что не ломает, а созидает характер», подарила двух детей – дочь Ирину и внука Илью, главное «богатство. Радость. И гордость», дала возможность получить серьезное университетское образование; за то, что «всю жизнь посвятила любимому, доброму, светлому труду – образованию и воспитанию детей», одарена «вниманием, уважением и теплотой людей». И «за чувство Родины» [1, с. 290–295]. Это был один из последних ее уроков. Урок великой любви к Жизни.

«Жизнь прожита, и песня спета», – так написала М. И. Картавцева в одном из текстов-автографов к своей книге «Белый свет ненагляден...». Да, именно спета. Красивая, мудрая жизнь-песня. Жизнь-творчество.

Здесь можно было бы поставить точку. Но сама судьба Учителя подсказывает иной итог. Была у Марины Игнатьевны еще одна задумка, которую она как будто бы не сумела воплотить: не закончила книгу, для которой придумала название – «Это только премьера». Удивительное философское имя книги, с глубокими аллюзиями. Как ни странно, оно отсылает к жизни после смерти. Указывает на то, что земной путь – это только премьера инобытия, жизни в вечности. Премьера

была блистательной. Теперь во многом от нас зависит, что будет после...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Картавецца М. И.* Белый свет ненагляден... / М. И. Картавецца. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. – 304 с.

2. *Грачева Ж. В.* Жизнь и судьба учителя / Ж. В. Грачева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2010. – № 2.

Воронежский государственный университет

Грачева Ж. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой издательского дела

E-mail: grachevi@mail.ru

Тел.: 8(473) 228-11-60 (29-80)

– С. 175–178. – Рец. на кн. : Картавецца М. И. Белый свет ненагляден... – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. – 304 с.

3. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. – М. : Наука, 1974–1983.

4. *Картавецца М. И.* Сотворение личности / М. И. Картавецца. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1981. – 171 с.

Voronezh State University

Gracheva J. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Publishing Department

E-mail: grachevi@mail.ru

Tel.: 8(473) 228-11-60 (29-80)